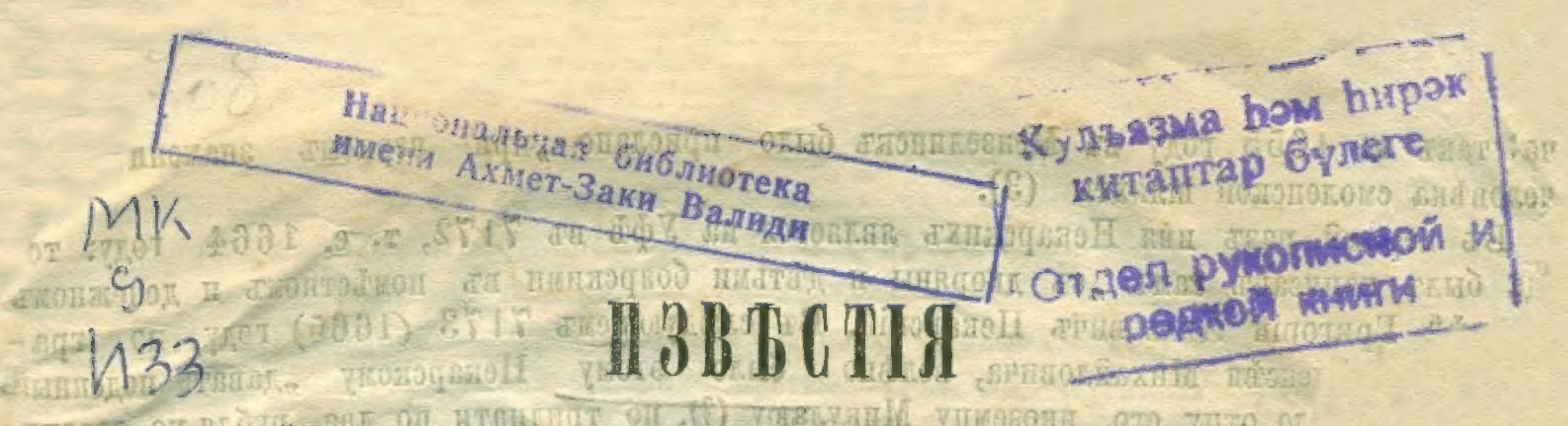
Известия
об Угримских
дворянах Пе-
карских.

ИЗВѢСТІЯ

ОБЪ УФИМСКИХЪ ДВОРЯНАХЪ ПЕКАРСКИХЪ.

При исторических изслѣдованіяхъ о той или другой мѣстности не могутъ не быть полезны иногда даже мелочныя подробности о родахъ, издавна проживавшихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ и принимавшихъ участіе въ разныхъ событіяхъ, тамъ происходившихъ. Въ видѣ опыта, здѣсь помѣщаются свѣдѣнія объ одномъ изъ такихъ семействъ, родоначальники котораго, явясь около Уфы въ половинѣ XVII вѣка, поселились въ Уфимскомъ краѣ, а ихъ потомки впослѣдствіи исполняли тамъ же разныя служебныя обязанности, преимущественно по военной службѣ, въ продолженіе XVII, XVIII и XIX столѣтій.

Быть можетъ этотъ опытъ мѣстнаго родословія вызоветъ другія, болѣе любопытныя сказанія о прочихъ старинныхъ родахъ Уфимскаго края, сказанія, которыя пригодятся будущему историку этой отдаленной мѣстности.

Въ Уфимской губерніи до сихъ поръ встрѣчается много старинныхъ дворянскихъ родовъ съ чисто польскими прозваніями, какъ напр. Тихановскіе, Воецкіе, Каловскіе, Кублицкіе, Пекарскіе и т. п. Въ сѣверо—западномъ и привислянскомъ краяхъ также можно найти роды съ подобными прозваніями, но представители ихъ почти всегда римско—католическаго исповѣданія и притомъ утратили всякую связь съ бывшими, быть—*можетъ*, своими родичами, которые изстари поселены въ далекой Уфѣ и сосѣдственныхъ съ нею городахъ, съ незапамятныхъ временъ исповѣдуютъ православную вѣру, говорятъ только по русски и вообще не сохранили никакихъ преданій о своемъ первоначальномъ, нерусскомъ происхожденіи.

Еще Штраленбергъ, попавшій въ Сибирь, какъ военноплѣнный послѣ полтавскаго сраженія, услыхавъ, что въ Уфимскомъ краѣ живетъ много поляковъ, полагалъ, что и всѣ тамошніе города обязаны имъ своимъ основаніемъ. Такое извѣстіе перешло въ первый русскій географическій учебникъ, въ которомъ была помѣщена статья о Россіи, и противъ него—то такъ возражалъ, еще въ прошломъ вѣкѣ, исторіографъ Миллеръ: „что въ Уфѣ живутъ по большей части поляки, которыми во время государствованія царя Алексѣя Михайловича не токмо сей городъ,но и другіе по Камѣ, Волгѣ и Бѣлой обрѣтающіеся города населены были—оное извѣстіе Страленбергово, которому не вовсе вѣрить должно. Царь Алексѣй Михайловичъ, во время бывшей съ Польшею войны, привелъ въ Россію подлинно много поляковъ и литвы въ полонъ, токмо онъ цѣлыхъ городовъ и деревень ими не населялъ, но разославъ ихъ въ дальніе города, чтобъ имъ отправлять по большей части военную службу, или и поселялъ по пашнямъ, какъ многіе сибирскіе города ими размножены. А того сказать не можно, чтобъ въ которомъ городѣ по большей части такіе люди жительство имѣли, а паче въ Уфѣ, который городъ гораздо старѣе и уже прежде населенъ былъ природно русскими жителями (1). (2). Мѣстныя изслѣдованія подтверждаютъ свидѣтельство Миллера о томъ, что поселеніе польской шляхты въ Уфимскомъ краѣ совпадало съ царствованіемъ Алексѣя Михайлови-

---

1) Рукопись библіотеки петербургской Академіи наукъ, въ листъ, № 138.
) Во всей статьѣ сохранена орѳографія подлинныхъ цитатъ.

ча: такъ въ 1655 году въ Мензелинскъ было прислано „при черномъ знамени“ 124 человѣка смоленской шляхты (3).

Въ первый разъ имя Пекарскихъ является на Уфѣ въ 7172, т. е. 1664 году: тогда былъ написанъ тамъ „съ дворяны и дѣтьми боярскими въ помѣстномъ и денежномъ окладѣ“ Григорій Ивановичъ Пекарскій. Въ слѣдующемъ 7173 (1665) году, по грамотѣ царя Алексѣя Михайловича, велѣно было этому Пекарскому „давать поденный кормъ, что было отцу его, иноземцу Микулаю (?), по триддати по два рубля по двадцати по восьми алтынъ по двѣ деньги на годъ. . .“ (4).

Въ позднѣйшемъ указѣ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей 7200 (1692) года къ Уфимскому воеводѣ Василью Ѳедоровичу Стрѣшневу было такъ упомянуто объ этомъ родоначальникѣ Пекарскихъ: „въ прошлыхъ годѣхъ, при отцѣ нашемъ, великихъ государей, блаженныя памяти, пожалованъ былъ отецъ Уфимца Семена Григорьева сына Пекарскаго великаго государя жалованьемъ: кормовыми деньгами, потому—что—де дѣдъ его человѣкъ выѣзжій и убитъ на нашей, великихъ государей, службѣ на Явтюбѣ...“

Сейчасъ названный Семенъ Григорьевичъ, по грамотѣ царя Ѳеодора Алексѣевича, отъ 18 марта 7186 (1678) года, къ Уфимскому воеводѣ Венедикту Яковлевичу Хитрово, назначенъ съ 1 мая того же года „въ селѣ Каракулинѣ и на Пьяномъ бору быть и крестьянъ вѣдать и дѣла дѣлать“, для чего ему и данъ тогда наказъ изъ казанскаго приказа. Въ спискахъ Уфимскихъ дворянъ 7189 (1681) года Семенъ Пекарскій записанъ съ помѣстнымъ окладомъ „въ 400 четей, денегъ съ городомъ 14 рублевъ“, а братъ его родной Григорій (5) имѣлъ 300 четей и денегъ 14 руб.

20 февраля 7191 (1683) года, Уфимскій воевода и окольничій, князь Данила Аѳанасьевичъ Барятинскій, получилъ указъ, по которому „велѣно быть на Уфѣ въ Бирскомъ городкѣ на Иваново мѣсто Нармацкаго, за службы и за смерть его брата, Уфинцу Семену Пекарскому; а перемѣнить ему, Семену, его, Ивана, какъ ему, Ивану, въ Бирскомъ городкѣ два года исполнится. . . .“ Отъ того же числа, мѣсяца и года, князь Барятинскій получилъ другой указъ отъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, также касающійся Семена Григорьевича Пекарскаго: „пожаловали мы, великіе государи, Уфинца Семена Пекарскаго за службу и за осадное сидѣнье, что онъ въ прошломъ въ 7190 (1682) году, будучи Уфимскаго уѣзду въ селѣ Каракулинѣ, отъ измѣнниковъ башкирцевъ и татаръ въ осадѣ сидѣлъ и тогожъ села съ крестьяны ходилъ на измѣнниковъ башкирцевъ и на иныхъ иновѣрцевъ, которые приходили войною въ село Пьяный боръ, и тѣхъ измѣнниковъ побили и языковъ поимали, и за приводъ къ шерти казанскія дороги башкирцевъ и иныхъ иновѣрцевъ, которые остались послѣ приходу калмыцкаго Нюкая Тайши,—велѣли ему нашему, великихъ государей, жалованью къ прежнему его окладу придачи учинить помѣстнаго сто чети“.

Въ одномъ спискѣ Уфимскихъ дворянъ, безъ заглавія, Семенъ Григорьевичъ показанъ съ помѣстнымъ окладомъ въ 670 четей, денегъ 32 руб.; тамъ же онъ называется ротмистромъ полоцкой шляхты. Въ званіе это онъ былъ пожалованъ въ 7200 (1692) году на мѣсто Андрея Есипова, который находился въ ротмистрахъ у служилыхъ иноземцовъ съ 7175 (1667) года. Въ челобитной по этому случаю къ царямъ Іоанну и

---

(3) Памятная книжка оренбургской губерніи на 1865 годъ, стр. 55,56.

(4) Какъ эти, такъ и слѣдующія за тѣмъ свѣдѣнія извлечены изъ дѣла о Пекарскихъ въ Уфимскомъ дворянскомъ депутатскомъ собраніи, а также изъ бумагъ Уфимской палаты гражданскаго и уголовнаго суда.

(5) Григорій Григорьевичъ Пекарскій оставилъ послѣ себя одного сына, умершаго бездѣтнымъ.

Петру Алексѣевичамъ такъ прописывалось объ обстоятельствахъ и службахъ предковъ Семена Пекарскаго и его собственныхъ:

„Онъ, Семенъ, послѣ отца своего остался въ молодыхъ лѣтѣхъ и бить челомъ о поденномъ кормѣ мочи ему небыло. . . . А за нимъ—де, Семеномъ, вотчинъ и крестьянъ нѣтъ ни единаго человѣка. Токмо—де ему нашего, великихъ государей, жалованья по сьми рублевъ на годъ; да ему же дано пустыя земли 36 четей. А служитъ—де онъ намъ, великимъ государямъ, многіе годы и былъ въ дву крымскихъ походѣхъ и на бояхъ бился. . . . И въ прошломъ въ 7190 (1682) году, какъ измѣнили намъ, великимъ государямъ, Уфимскаго уѣзда Ицкихъ волостей башкирцы и иные иновѣрцы, а онъ—де, будучи въ дворцовомъ селѣ Каракулинѣ на приказѣ, построилъ городокъ и сидѣлъ въ томъ городкѣ въ осадѣ многое время, и на многихъ бояхъ бился и языковъ на Уфу отсылалъ. Да онъ—же—де у нихъ, измѣнниковъ башкирцевъ, поймалъ подговорщика Абыза Ильметайку, который посланъ былъ отъ вора Сеитъ—Садиирка подговаривать казанскій и уфимскій уѣздъ всѣхъ свою братью къ измѣнѣ. И, поймавъ, отослалъ онъ въ городъ на Уфу. Да у нихъ же, измѣнниковъ, на бою онъ отбилъ крестъ и евангеліе и колокола и всякую церковную утварь. Да онъ—же—де у нихъ, измѣнниковъ, побралъ аманатовъ и къ шерти ихъ по курану привелъ подъ нашу, великихъ государей, высокодержавную руку. Да въ ту—же—де башкирскую измѣну братъ его родной убитъ на бою. И намъ, великимъ государямъ, пожаловать его за смерть и за кровь отца его и брата, и за его многія службы велѣть бы ему быть на Уфѣ ротмистромъ на Андреево мѣсто Есипова. . . .“

По наведеннымъ справкамъ, дѣйствительно оказалось, что Семенъ Пекарскій, „будучи въ уфимскомъ уѣздѣ въ селѣ Каракулинѣ, городокъ строилъ, и какъ къ тому городку пріѣзжали измѣнники башкирцы и иные иновѣрцы, и онъ, Семенъ, выѣзжалъ противъ ихъ, измѣнниковъ, со крестьяны и съ бобыли, и ихъ, измѣнниковъ, чрезъ Каму—рѣку не пропустилъ, и съ ними, измѣнниками башкирцами, бился, не щадя головы своей, и языковъ ималъ и отсылалъ въ городъ на Уфу. И какъ—де измѣнники башкирцы и иные иновѣрцы воевали село Пьяный боръ и церковь Божію сожгли и утварь церковную, и евангеліе, и крестъ, и колокола и иную многую утварь, и онъ въ то время отбилъ. Да онъ же поймалъ подговорщика Абыза, который посланъ былъ отъ вора Сеитки подговаривать казанскій и уфимскій уѣзды съ письмомъ, и того Абыза отослалъ онъ на Уфу. Да онъ—же у нихъ аманатовъ и къ шерти ихъ по курану привелъ. Въ послужномъ же спискѣ 7197 (1689) года, каковъ присланъ изъ розряду, написано: уфинецъ Семенъ Пекарскій былъ на нашей, великихъ государей, службѣ въ крымскомъ походѣ въ полку стольника и воеводы Василья Дмитріевича Мамонова до отпуску“ . . ., По докладѣ этой справки, бояринъ князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ «съ товарищи“ приговорили: «уфинцу Семену Пекарскому быть на Уфѣ прежняго ротмистра Андрея Есипова мѣсто въ ротмистрахъ и наше, великихъ государей, жалованье давать ему, Семену тожъ, что давано Андрею Есипову годоваго треть по тридцати по два рубля на годъ; а хлѣбнаго жалованья и за хлѣбъ деньгами ему не давать для того, что за нимъ, Семеномъ, въ Уфимскомъ уѣздѣ наше великихъ государей, жалованье есть—помѣстная земля. А ему, Андрею, въ ротмистрахъ быть не велѣли, для того что Семенъ Пекарскій въ челобитьѣ своемъ написалъ: онъ—де, Андрей, человѣкъ помѣстный, а отецъ Семеновъ человѣкъ былъ кормовой...“

Слѣдующій указъ Уфимскаго воеводы Дмитрія Никитича Головина, отъ 30 іюня 7202 (1694) года, имѣетъ значеніе не столько въ отношеніи Семена Пекарскаго, сколько любопытенъ потому, что содержитъ въ себѣ извѣстія о торгѣ лошадьми, который вели въ XVII вѣкѣ башкирцы и другіе жители Уфимскаго края непосредственно съ Москвою и о поощреніи этого тогдашнимъ правительствомъ. Названный воевода „велѣлъ

ротмистру полоцкой шляхты Семену Григорьеву Пекарскому быть у Ардабазарныя станицы головою для того: въ нынѣшнемъ 7202 году ноября въ 14 день (стало быть въ 1693 году), въ грамотѣ великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея Великія, и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ написано: въ нынѣшнемъ 7202 году, по ихъ, великихъ государей, указу уфимскаго уѣзда башкирцы и русскіе торговые люди, которые были въ Ардабазарной станицѣ на Москвѣ пожалованы за пріѣздъ ихъ, что они съ лошадьми пріѣхали вновь, ихъ, великихъ государей, жалованьемъ—сукнами. И тѣ—де башкирцы и прочіе торговые люди били челомъ великимъ государямъ, чтобъ имъ и впредь пригонять лошадей было повадно и никакой имъ въ томъ обиды и тягостей не было. И великіе государи пожаловали ихъ указали и въ предыдущіе годы лошадей пригонять имъ къ Москвѣ многое число, и въ дорогѣ по городамъ, и по селамъ и по перевозамъ никакихъ обидъ чинить, и перевознаго и мостоваго имать съ нихъ не велѣли; и на станахъ на всякихъ земляхъ давать имъ повольности и держать къ нимъ всякое бережелье. И ему, Семену, пріѣхавъ на Икъ—рѣку, уфимскихъ и русскихъ торговыхъ людей и уфимскаго уѣзда башкирцевъ и иныхъ иновѣрцевъ, которые будутъ въ Ардабазарной станицѣ съ нимъ, собрать всѣхъ до единаго человѣка. И какъ Уфимскій посыльщикъ тѣхъ станишниковъ перепишетъ имена и по скольку у кого какихъ лошадей, съ вѣдомостью поѣдетъ въ городъ на Уфу, и ему, Семену, съ тѣми станишными и съ конскимъ табуномъ ѣхать на которыя мѣста пристойно; а тѣмъ людямъ имена и у кого по скольку какихъ лошадей—роспись будетъ прислана вскорѣ. А до Москвы дорогою ѣдучи, ему, Семену, смотрѣть и беречь на—крѣпко, чтобъ никакіе люди станишникамъ никакихъ обидъ и тягостей и надъ конскимъ табуномъ какія шкоды (т. е. вреда) не учинили, и по городамъ, и по селамъ и по перевозамъ перевознаго и мостоваго съ нихъ не имали; и на станахъ на всякихъ земляхъ давали имъ повадность и держали къ нимъ всякое бережелье. А станишники бъ, русскіе люди и иновѣрцы, съ конскими табуны ѣхали смирно и никакимъ людямъ обидъ и грабежу не чинили, и изъ табуна лошадей дорогою никакимъ людямъ отнюдь не продавали и не мѣняли. А буде его Семеновымъ небреженьемъ станишникамъ кто учнетъ чинить дорогою обиды и тягости, или надъ табуномъ какія шкоды, или станишники съ табуномъ поѣдутъ дорогою несмирно, и на дорогѣ, и на станахъ какимъ людямъ учнутъ имать свои и конскіе кормы насильствомъ безденежно; или онъ, Семенъ, то самъ учинитъ, или его небереженьемъ, или по взяткамъ кто изъ табуна учнетъ лошадей дорогою запродавать или мѣнять, и о томъ великимъ государямъ будетъ отъ кого челобитье и сыщется про то до—пряма, и ему, Семену отъ великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея Великія, и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ, быть въ жестокомъ наказаніи и безъ пощады; а кому какіе убытки учинятъ, доправлено будетъ вдвое. А для караулу и береженья послано съ нимъ, Семеномъ, Уфимскіе служилые люди двадцать три человѣка, а кто имена, имъ подъ симъ наказомъ списокъ. А какъ онъ, Семенъ, съ станицею съ табуномъ къ Москвѣ пріѣдетъ, отписку, которая съ нимъ послана, подать и про табунъ объявить въ приказѣ казанскаго дворца бояромъ князю Борису Алексѣевичу съ товарищи".

26 февраля 7206 (1698) года, уфимскій воевода Иванъ Калиничъ Пушкинъ послалъ уфимца Алексѣя Васильчина „въ уфимскій уѣздъ за Уфу—рѣку на помѣстныя земли и на сѣнные покосы уфимца Семена Пекарскаго для того: въ нынѣшнемъ 7206 году января въ» „день била челомъ великому государю, царю и великому князю Петру Алексѣевичу и всея Великія, и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцу, а на Уфѣ въ приказной избѣ стольнику и воеводѣ Ивану Калиничу Пушкину—уфимца семеновская жена Пекарскаго вдова Дарья Өедорова дочь съ дѣтьми своими съ Николаемъ да съ Яковомъ подали челобитную, а въ челобитьѣ ея написала: въ нынѣшнемъ 7206, мужъ

—де ея, Семенъ, волею Божіею умре, а помѣстная земля, пашня и сѣнные покосы и рыбныя ловли, и всякія угодьи за Уфою—рѣкою въ трехъ дачахъ, которыми владѣлъ мужъ ея Семенъ по дачѣ и по отказнымъ книгамъ за нею и за дѣтьми ея послѣ мужа не справлена, и чтобъ великій государь пожаловалъ велѣлъ тѣ помѣстныя дачи.... справить и отказать за нею, Дарьею, и за дѣтьми ея по старымъ гранямъ....“ Помянутый Васильчинъ, по приказанію воеводы, исполнилъ ходатайство Дарьи Пекарской. Эти помѣстныя дачи—какъ можно видѣть изъ разныхъ актовъ, донынѣ сохранившихся въ архивѣ уфимской палаты гражданскаго и уголовнаго суда и бывшей оренбургской межевой конторы,—оставались въ продолженіе болѣе полутора столѣтій во владѣніи потомковъ Семена Григорьевича Пекарскаго, именно до 1847 года, когда онѣ, вмѣстѣ съ пріобрѣтенною впослѣдствіи землею и крестьянами были проданы Петромъ Николаевичемъ Пекарскимъ г-жѣ Базилевской, нынѣ во второмъ бракѣ Тимофѣевой.

Изъ двухъ сыновей Семена Пекарскаго младшій Яковъ умеръ бездѣтнымъ, а о старшемъ Николаѣ изъ письменныхъ свидѣтельствъ извѣстно только, что онъ служилъ въ военной службѣ; что 13 февраля 1739 года „для его оказанной къ службѣ ревности и прилежности“ былъ произведенъ въ секундъ—маіоры, и что, наконецъ, умеръ въ чинѣ подполковника. Этотъ недостатокъ письменныхъ извѣстій о Николаѣ Семеновичѣ Пекарскомъ восполняется отчасти семейными преданіями, которыя любили разсказывать въ старости внуки его—Михаилъ и Петръ Николаевичи.

Николай Семеновичъ Пекарскій поступилъ въ военную службу въ царствованіе Петра Великаго и притомъ совсѣмъ противъ своей воли. По старинному обычаю, молодой Пекарскій женился рано, проживалъ съ женою въ доставшемся ему отъ отца помѣстьѣ и, когда стали выходить строгіе царскіе указы о явкѣ дворянъ на смотры, уклонялся отъ того подъ разными предлогали и показывался въ нѣтѣхъ. Однако, мѣстныя власти, не на шутку напуганныя грозными указами царя о непремѣнной высылкѣ всѣхъ нѣтѣй, изловили наконецъ, нашего дворянина и поставили его въ Москву на смотръ. Пекарскій былъ высокій мущина въ полномъ цвѣтѣ силъ, а потому при первомъ на него взглядѣ участь его была рѣшена—его назначили въ полкъ и притомъ тотчасъ же была сбрита у него борода и обрѣзана долгополая одежда (1). Николай Семеновичъ былъ особенно огорченъ утратою бороды и, въ особенную милость для себя, выпросилъ дозволеніе собрать сбритые волоса. Умирая, онъ завѣщалъ положить ихъ съ собою въ гробъ, такъ—какъ былъ убѣжденъ, что ему вмѣнится въ великій грѣхъ, когда онъ явится на страшномъ судѣ безъ бороды, стало—быть человѣкомъ, исказившимъ въ себѣ образъ и подобіе Божіе.

Не далѣе какъ десять лѣтъ тому, у Пекарскихъ сгорѣлъ старинный большой портретъ Николая Семеновича, вмѣстѣ съ портретами Петра Великаго и Карла XII, очевидно рисованными тѣмъ же живописцемъ, какъ и первый. Николай Семеновичъ изображенъ былъ тамъ въ коричневомъ кафтанѣ и такомъ же камзолѣ; онъ подбоченился на правую руку, а лѣвая на кортикѣ, какіе носили въ петровскія времена. Черные, зачесанные назадъ волосы, каріе глаза съ суровымъ взглядомъ и подстриженные усы, приподняты кверху—все это дѣлало портретъ Николая Семеновича похожимъ на извѣстныя изображенія грознаго царя. Сходство—ли это, или дѣйствительно было какое нибудь событіе, только внуки этого Пекарскаго разсказывали слѣдующую легенду, слышанную ими отъ ихъ отца: наканунѣ полтавской битвы, приближенные царя умоляли его не принимать

(1) Какъ это дѣлалось въ петровскія времена, то можно видѣть на любопытной гравюрѣ при голланскомъ изданіи: Oude en nieuwe staat van' t russische of moskowische Reizerryk (utrecht, 1744): здѣсь у одного брадатаго боярина солдаты обрѣзываютъ платье, а другой даетъ монету, чтобы только отдѣлаться отъ окружившихъ его солдатъ. Внизу гравюры подпись: Byzondere manier om't dragen van lange Rokken byde Russente beletten, door Czaer Peter den 1 in' t werk desteld.

лично участья въ битвѣ. Петръ не хотѣлъ о томъ и слышать, и царедворцамъ удалось только убѣдить его выбрать изъ арміи нѣсколько десятковъ такихъ людей, которые бы ростомъ, лицомъ и походкою походили на царя и составляли бы на время сраженія его охранительную стражу. Въ войскѣ подобныхъ людей отыскалось шестьдесятъ человѣкъ и въ числѣ ихъ былъ также Николай Пекарскій; въ продолженіе сраженія они ни на шагъ не покидали царя, и подъ конецъ битвы изъ нихъ осталось въ живыхъ только трое. Какъ памятникъ своего участья въ полтавской битвѣ, этотъ Пекарскій оставилъ въ семействѣ четыре очень цѣнныхъ шведскихъ пистолетовъ, изъ которыхъ два съ мѣдными стволами, походили, по величинѣ своей, болѣе на небольщія ружья, и кортикъ съ рукояткою изъ кости единорога въ мѣдной позолоченной оправѣ, на которой вырѣзанъ левъ—гербъ Швеціи.

Прошло много лѣтъ послѣ невольнаго отправленія Николая Семеновича въ военную службу, и жена его оставалась одна—одинешенка въ помѣстьѣ безъ всякой вѣсти о томъ, что сталось съ ея мужемъ. Она уже думала, что онъ сложилъ свою голову на войнѣ и считалась вдовою. Однажды, въ глухую зимнюю ночь раздается стукъ въ тесовыя ворота деревенскаго дома, гдѣ жила Пекарская, и крики немедленно отворять ихъ. Людей въ домѣ мало, а между тѣмъ лихіе люди (такъ назывались тогда грабители и разбойники) часто разъѣзжали по уединеннымъ господскимъ усадьбамъ, и такъ объ оборонѣ думать было нечего, и потому хозяйка, вмѣстѣ съ дочерью, спрятались въ казенку, т. е. комнатку, которая устраивалась въ подпольѣ для сохраненія болѣе цѣнныхъ вещей. Между тѣмъ въ свѣтлицу вошелъ грозный пріѣзжій въ сопровожденіи семи человѣкъ, одѣтыхъ въ винчюры, или волчьи шубы, и вооруженныхъ съ головы до ногъ. Суровый окрикъ на перепуганную дворню принудилъ дворовыхъ указать, гдѣ была спрятана барыня, и ее съ дочерью привели, наконецъ, передъ пріѣзжаго. Пекарская и ея дочь, ни живы, ни мертвы, кинулись въ ноги, прося о помилованіи ради вдовьяго сиротства.— Какъ вдова, возразилъ пріѣзжій; а мужъ куда дѣвался? Пекарская, рыдая, отвѣчала, что мужа увезли на царскую службу; что о немъ давно уже нѣтъ ни слуха, ни духа и потому думаетъ она, что не стало его на свѣтѣ и молится она объ упокоеніи души его, если Господь его прибралъ. Ну, вставай, жена, сказалъ Николай Семеновичъ, который успѣлъ прослезиться при видѣ взрослой дочери, оставленной имъ груднымъ ребенкомъ, или еще не признаешь мужа?... Такъ возвратился Пекарскій въ наслѣдственное помѣстье послѣ долгаго отсутствія въ сопровожденіи семи деньщиковъ, которыхъ имѣли тогда полковники.

У Николая Семеновича было два сына: о старшемъ Сергѣѣ извѣстно по семейнымъ преданіямъ, что онъ дослужился въ военной службѣ до поручика, былъ женатъ, но дѣтей не имѣлъ, и въ пугачевщину былъ звѣрски умерщвленъ бунтовавшими башкирцами: съ Сергѣя Николаевича, пріѣхавшаго въ свою деревню, сняли съ живаго кожу.

Другой сынъ—Николай Николаевичъ родился въ 1731 году; съ четырнадцатилѣтняго возраста служилъ въ сергіевскомъ конномъ полку; въ 1755 г. былъ въ походѣ и сраженіи противъ взбунтовавшихся башкирцевъ на рѣчкѣ Энгельской и въ Уральскихъ горахъ; въ 1765 году уволенъ изъ военной службы съ чиномъ секундъ—маіора и потомъ занималъ разныя должности по гражданской службѣ въ Уфѣ. Между прочимъ онъ служилъ тамъ одно время по соляной части подъ начальствомъ извѣстнаго своими трудами по исторіи и географіи оренбургскаго края Петра Ивановича Рычкова. Николай Николаевичъ Пекарскій любилъ въ разговорахъ съ своими дѣтьми вспоминать объ умѣ и знаніяхъ своего начальника, казавшихся отставному секундъ—маіору необыкновенными, а также и о томъ, что на немъ, по порученію Рычкова, лежала обязанность, въ бытность членовъ петербургской Академіи наукъ, показывать этимъ, какъ называлъ ихъ Пекарскій, „ученымъ вояжерамъ“ роскошныя уфимскія окрестности, для

чего онъ также ѣздилъ вмѣстѣ съ ними и къ той любопытной пещерѣ на рѣкѣ Бѣлой въ Бурзянской волости, которая впервые была описана Рычковымъ. (*)

Пугачевщина застала Николая Николаевича въ Уфѣ, гдѣ онъ и принималъ дѣятельное участіе въ оборонѣ отъ бунтовщиковъ. Сынъ его, Михаилъ, впослѣдствіи такъ разсказывалъ о томъ въ своихъ запискахъ: „самозванецъ, живя въ Бердѣ (подъ Оренбургомъ), отрядилъ для взятія города Уфы и прочихъ пригородковъ, пріятеля своего яицкаго казака Чикая съ толпою, назвавъ его фельдмаршаломъ Чернышовымъ.... Чикай шелъ съ данною ему толпою къ Уфѣ; по дорогѣ набиралъ въ добавокъ къ оной башкирцевъ и другихъ разнаго званія людей и, пришедъ въ село Чесноковку, разстояніемъ въ семи верстахъ отъ Уфы, послалъ въ пригородки отъ себя партіи, которыми и были взяты, а воеводы въ оныхъ, изъ дворянъ опредѣленные, побиты; самъ же началъ Уфу содержать въ блокадѣ и дѣлать къ оной приступы, но всегда былъ жителями города, бывшими подъ начальствомъ дворянъ, собравшихся въ городъ изъ уѣзда, и бдительностью и хорошимъ распоряженіемъ коменданта полковника Мясоѣдова отбиваемъ; и въ одномъ изъ оныхъ отнята учрежденнымъ небольшимъ резервомъ подъ командою маіора Пекарскаго пушка, что и продолжалъ до прибытія съ отрядомъ войскъ подполковника Михельсона, командированнаго отъ генерала Князя Голицына, которымъ разбитъ и бѣжалъ въ пригородокъ Табынскъ, гдѣ и пойманъ!..

Авторъ этихъ записокъ не счелъ умѣстнымъ включить сюда разныя подробности съ легендарными оттѣнками, о которыхъ разсказывалось въ его семействѣ по случаю осады Уфы Чикою. Въ ту зиму, когда этотъ городъ выдерживалъ осаду отъ него, Бѣлая, противъ обыкновенія, была покрыта огромными полыньями, которыя не мало мѣшали осаждавшимъ взять городъ изъ за Бѣлой приступомъ. Несмотря на то, подъ конецъ Чика началъ было брать перевѣсъ, и уфимскіе жители находились въ большомъ страхѣ и ежедневно собирались на колокольнѣ ильинской церкви смотрѣть, нейдутъ—ли къ нимъ войска на выручку? Осаждавшіе, попавшіе впослѣдствіи въ плѣнъ приписывали неудачи ихъ приступовъ тому, что каждый разъ на вылазкахъ предъ осажденными появлялся старикъ на бѣломъ конѣ, въ бѣлой ризѣ съ крестомъ въ рукѣ. Чика полагалъ, что это разъѣзжалъ старый священникъ ильинской церкви и потому торжественно клялся, что по взятіи Уфы ему быть первому на висѣлицѣ. Между тѣмъ уфимцы, зная дряхлость помянутаго священника и никогда не видавъ его на вылазкахъ впереди войска, приписывали помянутое видѣніе явленію св. пророка Иліи, которому усердно молились они въ помянутой церкви о заступничествѣ за бѣдствующій городъ.

Николай Николаевичъ Пекарскій былъ женатъ на Матренѣ Семеновнѣ изъ рода уфимскихъ дворянъ Кублицкихъ. По обыкновенію, господствовавшему въ тогдашнихъ захолустьяхъ, ее не учили грамотѣ на томъ основаніи, что—де знаніе для дворянскихъ дочерей грамоты только служило къ тому, что онѣ легче заводили сердечныя отношенія съ мѣстными волокитами. Но безграмотность не мѣшала Матренѣ Семеновнѣ быть очень разумной и сообразительной, такъ—что къ ней обращался за совѣтомъ и помощью и мужъ ея. Нашъ секундъ-маіоръ не былъ силенъ въ математикѣ и всякой разъ, когда ему приходилось составлять денежные отчеты по службѣ, то онъ призывалъ свою супругу, говоря ей въ то время очень нѣжно: „сердце, возьми—ка счеты, прикинемъ вмѣстѣ“. Матрена Семеновна, не хуже всякаго бухгалтера, сводила къ вожделѣнному концу всѣ исчисленія, въ которыхъ путался храбрый съ башкирцами служака.

Николай Николаевичъ велъ еще жизнь совсѣмъ по—старинѣ: лучшимъ единствен-

---

(*) Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова (Спб., 1867), стр. 120.

нымъ украшеніемъ комнатъ въ его домѣ были иконы въ болѣе или менѣе богатыхъ окладахъ. Вмѣсто стульевъ и дивановъ, вдоль стѣнъ были разставлены скамьи, покрывавшіяся въ праздники коврами; въ переднемъ углу подъ иконами ставились большіе дубовые столы. Праздники проводились шумно, такъ—какъ тогда много выпивалось разныхъ доморощеныхъ наливокъ и настоекъ. На подобныхъ угощеніяхъ за—частую выходили и ссоры, не всегда оканчивавшіяся крупными словами, почему у тогдашнихъ стариковъ масляница слыла подъ названіемъ *кривоносой*.

Николай Николаевичъ Пекарскій, когда случалось ему выѣзжать изъ помѣстья, собирался медленно и послѣ немалыхъ приготовленій, хотя бы поѣздка была и недальняя. Обыкновенно на такой случай пекли многое множество съѣдобныхъ принадлежностей, извѣстныхъ подъ названіемъ *подорожниковъ*. Въ день отъѣзда, послѣ молитвъ и поклоненій иконамъ во всѣхъ покояхъ, старикъ Пекарскій выходилъ на крыльцо, къ которому и подводился любимый его буланый иноходецъ. Баринъ возсѣдалъ на него, вооруженный арапленикомъ, и одѣтый въ стеганый халатъ съ правою полою откинутою за кушакъ. За иноходцемъ подавалась дорожная колымага, въ которой усаживалась Матрена Семеновна съ многочисленной своей семьей; потомъ тянулось нѣсколько подводъ съ припасами и слугами. Около извѣстной уфимскимъ жителямъ Дудкиной горы дѣлался съ семействомъ привалъ, и за тѣмъ начиналось восхожденіе на эту высокую гору, при чемъ буланый иноходецъ съ бариномъ бойко выступалъ впереди всего поѣзда.

Съ открытіемъ въ Уфѣ намѣстничества и наплывомъ туда новыхъ людей, уже вкусившихъ вполнѣ или отчасти европейскія развлеченія, Николай Николаевичъ долженъ былъ волей—неволей уступать новымъ порядкамъ и нарушать нѣкоторыя изъ завѣтныхъ правилъ старины. Такъ онъ рѣшился вывозить на танцовальные вечера вторую свою дочь—красавицу Машу. Намѣстникомъ тогда былъ въ Уфѣ баронъ Игельштромъ, большой угодникъ и поклонникъ прекраснаго пола. На одномъ балѣ смуглянка Пекарская привела барона въ восторгъ, и онъ на другое утро поспѣшилъ послать ей роскошный букетъ цвѣтовъ. Старики Пекарскіе пришли въ ужасъ: дочь ихъ, незамужняя дѣвушка, получаетъ подарокъ, хотя и отъ намѣстника государева, но все—таки холостаго и посторонняго мужчины! Николай Николаевичъ на родственномъ совѣтѣ съ Матреною Семеновною положили не вывозить болѣе своей дочери и держать ее взаперти. Къ счастью Маши за нее вскорѣ посватался уфимскій помѣщикъ Воецкій: по выходѣ за него за мужъ, для нея миновалось дѣвическое затворничество.

Изъ трехъ сыновей Николая Николаевича, которые всѣ по обычаю, изстари ведшемуся въ родѣ Пекарскихъ, служили въ военной службѣ, старшій Михаилъ пользовался между своими родными и знакомыми извѣстностью, какъ человѣкъ особенно правдивый и честный: никто не слыхалъ отъ него лжи и никогда онъ не божился для подтвержденія истины своихъ словъ. Однажды на пожарѣ въ Оренбургѣ онъ подошелъ къ тамошнему губернатору Рейнсдорпу и просилъ его дать ему военный караулъ изъ шести солдатъ.—На что тебѣ, батюшка, возразилъ генералъ, такая пропасть людей, твой еще субалтернъ—офицеръ? Михаилъ Николаевичъ почтительно донесъ его превосходительству, что онъ сейчасъ вытащилъ изъ охваченнаго огнемъ казначейства сундукъ съ казенными деньгами и боится, чтобы его у него не отбили въ пожарную сумятицу.—Ты бы давно такъ сказалъ, закричалъ губернаторъ, я тебѣ даю цѣлый взводъ! На другой день Пекарскій сдалъ по начальству спасенный имъ сундукъ: въ немъ оказалось болѣе сорока тысячъ рублей—сумма для того времени великая. Рейнсдорпъ умилился отъ такого поступка, расцѣловалъ молодаго, смирненькаго офицерика и въ благодарность—дозволилъ ему ѣхать въ отпускъ домой на цѣлый мѣсяцъ. Михаилъ Николаевичъ впослѣдствіи дослужился до полковника и командовалъ въ этомъ чинѣ отдѣль

ными частями, но на службѣ онъ не нажился отъ того подобно своимъ сверстникамъ и послѣдніе годы жизни провелъ въ состояніи, близкомъ къ бѣдности. Уфимскіе старожилы еще въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія видали иногда ѣдущимъ на старомъ сѣромъ конѣ въ дрожкахъ на столбикахъ—небольшаго старичка съ сѣдыньками, зачесанными назадъ, волосами, въ зеленомъ кафтанѣ довольно грубаго сукна съ высокимъ бѣлымъ воротникомъ, въ ботфортахъ и съ эспантономъ въ рукѣ: то былъ Михаилъ Николаевичъ Пекарскій, непокидавшій до смерти военной формы павловскихъ временъ. Онъ небылъ женатъ, но у него были воспитанники, которымъ онъ далъ фамилію Карскихъ.

Этому Пекарскому было семнадцать лѣтъ—и онъ имѣлъ уже офицерскій чинъ, когда случился пугачевскій бунтъ. Михаилъ Николаевичъ находился тогда въ войскахъ, бывшихъ въ Оренбургѣ во время осады этого города. Въ одной неудачной вылазкѣ осажденныхъ Михаилъ Николаевичъ едва было не попался въ плѣнъ Пугачеву, такъ—какъ по своему малосилію не успѣлъ бѣжать съ своимъ отрядомъ и остался назади. Однако, одинъ казакъ, сжалясь надъ молодостію офицера, велѣлъ ему схватиться за хвостъ своей лошади и такимъ образомъ вытащилъ его за городскую стѣну. Пекарскій оставилъ письменныя извѣстія о томъ, что ему было лично извѣстно о пугачевщинѣ, и они впослѣдствіи напечатаны В. И. Далемъ въ Москвитянинѣ 1841 года, № 6, стр. 438—468, подъ заглавіемъ: „Записки полковника Пекарскаго о бунтахъ яицкихъ, что нынѣ уральскіе, казаковъ и о самозванцѣ Емельянѣ донскомъ казакѣ Пугачевѣ“.

Другой братъ Михаила Николаевича, Семенъ, былъ слабаго здоровья и умеръ холостымъ.

Третій ихъ братъ, Петръ Николаевичъ, (*) родился 6 декабря 1764 года и скончался девяноста лѣтъ безъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, именно 10 сентября 1853 года. Всю долголѣтнюю жизнь свою провелъ онъ въ уфимскомъ и оренбургскомъ краяхъ, исторію котораго, какъ очевидецъ и участникъ многихъ тамошнихъ событій, онъ зналъ съ царствованія Екатерины II. Нѣсколько поколѣній родились, мужались и умирали на его глазахъ: подъ конецъ онъ оставался почти одинъ посреди людей, дѣды и отцы которыхъ были ему пріятели и сверстники.

Когда старческіе недуги и различныя огорченія отъ разстройства его, нѣкогда значительнаго, состоянія не ослабляли еще здоровья и памяти, Петръ Николаевичъ любилъ вспоминать о прошломъ, и его разсказы были живою лѣтописью всего, что ни случалось въ тѣхъ отдаленныхъ краяхъ.

Первымъ происшествіемъ, глубоко врѣзавшимся въ его памяти, была вышепомянутая осада Уфы отъ башкирцевъ и разнаго сброда, подъ начальствомъ соумышленника Пугачева, Чики. Отецъ Петра Николаевича цѣлые дни проводилъ тогда то на валу, то на полѣ, участвуя въ вылазкахъ противъ непріятеля. Гарнизонъ былъ малочисленный, средства къ оборонѣ ничтожныя и уфимцы ежечасно ожидали себѣ жестокой расправы. Мама, нянчившая младшихъ дѣтей Пекарскаго—Петра и Семена, знала, что въ случаѣ сдачи города питомцы ея, какъ дворянское отродье, должны были погибнуть отъ черни, а потому она каждое утро одѣвала дѣтей въ крестьянское платье, марала лицо и руки ихъ сажею, все въ надеждѣ, что бунтовщики не распознаютъ дворянчиковъ. Нѣкоторые изъ крѣпостныхъ въ Уфѣ не скрывали своего расположенія къ бунтовщикамъ и грозили мамѣ, что по сдачѣ города ей не сдобровать за то, что она хо-

---

(*) Некрологъ его помѣщенъ въ Оренбургскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ 1853 года, № 45, часть неоффиц., стр. 253, 254.

тѣла обмануть его царское величество, батюшку Петра Ѳедоровича. Однако Уфа не сдалась, благодаря тому, что генералъ—маіоръ Фрейманъ во—время разбилъ Чику.

Страшную казнь послѣдняго хорошо помнилъ девятилѣтній Петръ Пекарскій, также какъ и то тяжелое время, когда въ Уфѣ впродолженіе нѣсколькихъ недѣль происходили ежедневно жестокія казни и наказанія бунтовщиковъ. Толпы ихъ проводились на площадь мимо оконъ дома Пекарскихъ и мать ихъ Матрена Семеновна съ ранняго утра садилась подъ окошко подавать несчастненькимъ милостину, для чего передъ нею ставили дубовый подголовокъ съ мѣдными деньгами. Проходившіе на казнь преступники низко кланялись на всѣ стороны, жалобно говоря: прощай божій свѣтъ, простите, добрые люди, отпустите наши грѣхи!

Отецъ Пекарскихъ хотѣлъ, чтобы младшіе его сыновья не остались неучами, а потому намѣревался везти ихъ въ гимназію въ Казань; но это предположеніе не осуществилось, потому что Матренѣ Семеновнѣ было жаль разставаться съ дѣтьми, а потому пришлось ограничиться отдачею ихъ въ ученье къ одному ссыльному съ рванными ноздрями, принявшему на себя въ Уфѣ роль наставника и содержавшему нѣчто въ родѣ пансіона, куда ходили учиться дворянскія дѣти. Впрочемъ, кругъ наукъ тамъ не былъ обширенъ: читали псалтирь и выписывали буквы азбуки. Вообще уфимскій педагогъ отличался не столько своею ученостью, сколько жестокостью. Уже въ преклонныхъ лѣтахъ Петръ Николаевичъ говаривалъ, что когда ему приводилось видѣть во снѣ, что сидитъ онъ опять у ссыльнаго за вокабулами, то у него волосы становились дыбомъ и, очнувшись, онъ всегда благодарилъ Бога, что это было во снѣ, а не на яву. Ученикъ почему либо опоздавшій въ школу, водвергался жестокому наказанью, но чтобы его избыть знали ученики одно вѣрное средство: запоздавшій, идя въ школу, ловилъ перваго, попадавшагося ему на улицѣ пѣтуха и, при входѣ въ классъ, впускалъ его туда передъ собою. Учитель тотчасъ же приказывалъ пѣтуха отнести на кухню и дѣлалъ при томъ видъ, что не замѣчаетъ прихода воришки. Однажды Пекарскіе провинились предъ педагогомъ и явились въ школу безъ обычнаго приношенія, за что наставникъ наказалъ ихъ такъ усердно, что они чутъ не слегли въ постель. Послѣ этого Матрена Семеновна упросила мужа не посылать болѣе дѣтей къ ссыльному, а потому ихъ отдали продолжать ученье къ плѣнному нѣмцу, оставшемуся навсегда въ Россіи. Этотъ наставникъ обходился очень человѣколюбиво съ дѣтьми, о чемъ они вспоминали съ признательностью въ глубокой старости. Въ особенности имъ памятна была добрая нѣмка, жена наставника. Послѣ изученія первыхъ основаній ариѳметики и нѣмецкаго языка, остановилось дальнѣйшее образованіе Петра и Семена Николаевичей, и они, несмотря на ихъ дѣтскій возрастъ, были опредѣлены на дѣйствительную службу въ пѣхотный полкъ, расположенный близъ Уфы.

Послѣ изданія въ свѣтъ, въ 1775 году, учрежденія для управленія губерній, оно было введено и въ уфимскій край: новое намѣстничество было открыто съ невиданнымъ дотолѣ торжествомъ; послѣдовали первые дворянскіе выборы и вновь избранному губернскому предводителю дворянства Николаю Ивановичу Тимашеву, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими дворянами, поручено было лично принести вѣрноподданническую благодарность за милости къ новому намѣстничеству. Въ числѣ депутатовъ находился Николай Николаевичъ Пекарскій, который выпросилъ дозволеніе сыну его Петру бывшему тогда сержантомъ, сопровождать депутацію въ Петербургъ. Чтобы доѣхать изъ Уфы до столицы, было употреблено нѣсколько мѣсяцевъ, потому что дворяне ѣхали на своихъ лошадяхъ и каждую ночь дѣлали привалы. Вечеромъ и утромъ всѣ путники отъ мала до велика собирались въ покой, гдѣ останавливался губернскій предводитель. Послѣдній становился впереди всѣхъ передъ образами и громко произносилъ рѣчь, которую сбирался говорить предъ Императрицею. На возвратномъ пути исполнялась

другая церемонія: депутатамъ дана была грамота за подписаніемъ Императрицы и на каждомъ привалѣ предводитель, выходя изъ экипажа, почтительно несъ ее на головѣ и въ покоѣ клалъ ее въ кіотъ около образовъ. При отъѣздѣ выносилась грамота такимъ же порядкомъ. Въ проѣздъ муромскими лѣсами, наши путники были встревожены страшными разсказами о тамошнихъ, славныхъ по всей Россіи, разбойникахъ, почему, при проѣздѣ тѣми мѣстами принимались всѣ мѣры предосторожности. Многочисленные слуги дворянъ были вооружены кто мушкатонами, кто кистенями и охотничьими ножами, а впереди поѣзда ѣхали вершника, обязанные разглядывать, не покажутся-ли гдѣ лихіе люди.

Извѣстно, какое обаяніе производила Императрица Екатерина II на всѣхъ, къ кому она обращалась иногда съ самымъ ничтожнымъ привѣтствіемъ, а потому неудивительно, что уфимскіе депутаты были въ восторгѣ отъ пріема ихъ государынею. По Высочайшему повелѣнію имъ были доступны всѣ придворныя торжества, и разсказы о видѣнныхъ и слышанныхъ тогда диковинкахъ повторялись нашими дворянами до глубокой старости.

Служа въ военной службѣ, Петръ Николаевичъ состоялъ одно время дежурнымъ штабъ—офицеромъ при правителѣ уфимскаго намѣстничества, генералъ—поручикѣ Александрѣ Александровичѣ Пеутлингѣ (*), лично извѣстномъ Екатеринѣ II со временъ турецкой войны въ 1769—1774 годахъ и получившемъ георгіевскій крестъ на третій годъ послѣ его учрежденія (**). Дружески принятый въ домъ Пеутлинга, Петръ Николаевичъ выучился тамъ на столько нѣмецкому языку, что могъ изъясниться на немъ свободно. Вообще этотъ Пекарскій былъ большой охотникъ до книгъ и чтеніемъ успѣлъ пополнить скудость первоначальнаго своего образованія. Онъ сталъ собирать библіотеку, въ которой впослѣдствіи можно было найти все, что выходило замѣчательнаго въ русской литературѣ конца прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтій. Уже послѣ кончины Пекарскаго большая часть этой библіотеки сгорѣла, а уцѣлѣвшія книги изъ нея поступили въ библіотеку уфимскаго губернскаго статистическаго комитета. Въ старости Петръ Николаевичъ любилъ вспоминать, что на его вѣку ни одна книга не производила такого сильнаго впечатлѣнія на молодежъ, какъ романъ Гёте, явившійся въ русскомъ переводѣ подъ заглавіемъ: „Страсти молодаго Вертера“. Всѣ юныя читательницы воображали себя Шарлотами, а юноши корчили изъ себя Вертеровъ, впрочемъ благоразумно избѣгая подражать его трагическому концу. Пекарскій, также увлеченный романомъ, поспѣшилъ заказать себѣ синій фракъ и каштановые панталоны, а на шею навязать розовый платокъ—такъ изображался тогда страстный Вертеръ! Петръ Николаевичъ, никогда не разсказывалъ—встрѣчалъ ли онъ въ своей жизни Шарлотъ, но въ старину молва въ уфимской и въ сосѣдственныхъ губерніяхъ нерѣдко передавала похожденія по сердечной части, въ которыхъ счастливымъ героемъ являлся этотъ Пекарскій.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія онъ былъ шефомъ и командиромъ тептярскаго полка, назначеніе котораго состояло въ защищеніи оренбургской границы. Въ Полномъ собраніи законовъ Россійской Имперіи (1798 года, № 18.701) есть извѣстіе, что

(*) О дѣятельности Пеутлинга въ этой должности есть свѣдѣнія въ сборникѣ, озаглавленномъ: „Архивъ государственнаго совѣта“ томъ I, часть 2. Издатель его, неизвѣстно почему, называетъ здѣсь иногда Пеутлинга барономъ—титулъ, котораго онъ никогда не имѣлъ:

(**) См. книгу: „Въ память столѣтняго юбилея военнаго ордена Св. великомученика Георгія“, Гг. Степанова и Григоровича. (Спб., 1869) стр. 25, № 117.

Пекарскій былъ назначенъ шефомъ помянутаго полка для того, что служившіе въ немъ „не имѣютъ ни малаго понятія о войскѣ, не могутъ сами по себѣ не только пріобрѣсти новыя познанія по службѣ, но и заведенный порядокъ легко, безъ особливаго надъ ними главнаго начальника, потеряться можетъ“.... Впослѣдствіи Петръ Николаевичъ разсказывалъ, что для него страшное было время, когда онъ командовалъ полкомъ въ царствованіе Императора Павла. Строгости въ военной службѣ доходили тогда до крайнихъ предѣловъ; всякое ничтожное опущеніе, а иногда просто доносъ, по личной злобѣ, навлекалъ на служащихъ строгую отвѣтственность, почти всегда несоразмѣрную винѣ. Точный и исполнительный до пустѣйшихъ мелочей, Пекарскій, однако, ложась спать каждый вечеръ усердно молилъ Всевышняго сохранить его цѣла и невредима среди окружавшихъ тогда каждаго начальника полка напастей. Въ тѣ времена, едва заслышится бывало колокольчикъ на большой дорогѣ, многимъ думалось, не за ними—ли ѣдетъ курьеръ, чтобы взять и увезти туда, куда воронъ не заносилъ костей.

Однако, страхи Пекарскаго были напрасны, такъ—какъ ему удалось выдти изъ военной службы въ отставку, неподвергнувшись тѣмъ непріятностямъ, которыя испытали многіе изъ современниковъ его.

При Императорѣ Александрѣ Петръ Николаевичъ служилъ по выборамъ дворянства и былъ нѣсколько трехълѣтій сряду уѣзднымъ, а потомъ и губернскимъ, предводителемъ дворянства въ Оренбургской губерніи. Эта служба его совпадала, между прочимъ, со временемъ нашествія непріятелей на Россію въ 1812 году, когда огромныя пожертвованія дворянства и снаряженіе ополченій требовали особенныхъ трудовъ и заботливости отъ выборныхъ представителей дворянства. Кромѣ знаковъ высочайшаго благоволенія, Пекарскій удостоился получить отъ оренбургскаго дворянства благодарственный адресъ.

Любимымъ также воспоминаніемъ Пекарскаго было посѣщеніе Уфы императоромъ Александромъ I: Петръ Николаевичъ былъ въ числѣ дворянъ, назначенныхъ принести поздравленіе Государю съ прибытіемъ въ оренбургскій край. Уфимское дворянство, въ память пребыванія въ Уфѣ императора, построило церковь во имя Св. Александра Невскаго, которая и была заложена въ присутствіи Александра I. Начало постройки этого храма происходило подъ наблюденіемъ Пекарскаго, какъ губернскаго предводителя.

Петръ Николаевичъ былъ извѣстенъ уфимскимъ старожиламъ своимъ хлѣбосольствомъ и гостепріимствомъ: деревню его около Уфы *„Отраду“* знали тамъ и старъ, и младъ; но эта широкая жизнь съ разными барскими затѣями въ родѣ: домашняго оркестра музыки, псовой охоты, оранжерей и теплицъ и т. п. разстроили состояніе Пекарскаго, и Отрада, которую онъ такъ лелѣялъ и съ которой такъ сжился, подъ конецъ его жизни была продана. Теперь Отрадинскій барскій домъ, который послѣ продажи его Пекарскимъ пробовали испортить разными пристроечками и башенками,—этотъ домъ стоитъ въ запустѣніи и быстро приходитъ къ разрушенію. Въ саду, въ былыя времена на славу разчищенномъ и подстриженномъ на удивленіе всѣхъ сосѣдей, теперь заведенъ пчельникъ, и только великолѣпныя столѣтнія березы и сосны—безмолвныя свидѣтели помѣщичьяго раздолья и приволья—высоко поднимаютъ свои вершины и смѣло переносятъ и запустѣніе, и небреженіе.

Выше было говорено объ одной изъ сестеръ Петра Николаевича—Марьѣ Николаевнѣ, по мужѣ Воецкой. Другая сестра, Фіона, была за уфимскимъ помѣщикомъ Борейшею а третья, Надежда,—за Маурици, родомъ грека.

Петръ Николаевичъ Пекарскій былъ женатъ два раза: въ первый разъ на Елизаветѣ Сергѣевнѣ Левашевой, отъ которой имѣлъ одну дочь Анну, въ замужествѣ за бывшимъ помѣщикомъ московской губерніи Михаиломъ Ивановичемъ Микулинымъ. Второй разъ Пекарскій женился на внукѣ бывшаго своего начальника—Александрѣ Петровнѣ

Пеутлингъ. Отъ этого брака въ живыхъ—дочь Александра Петровна, остающаяся незамужнею, и два сына: Петръ Петровичъ, посвятившій себя изслѣдованіямъ по русской исторіи и исторіи русской литературы, и Николай Петровичъ, который послѣдовалъ примѣру своихъ предковъ и не оставляетъ военной службы. Хотя оба они уже давно оставили уфимскій край, однако не перестаютъ считаться въ числѣ уфимскихъ дворянъ вмѣстѣ съ дѣтьми своими—Александрою Петровною, Юрьемъ Петровичемъ и Георгіемъ и Николаемъ Николаевичами.

Въ заключеніе настоящей статьи нелишнимъ считается приложить два наказа, которые дали въ 1767 году уфимское дворянство и смоленскіе шляхтичи уфимскаго уѣзда своимъ депутатамъ, посланнымъ въ Коммиссію о составленіи новаго уложенія. Извѣстно, что подобные наказы суть любопытнѣйшіе матеріалы для изученія не только нуждъ и потребностей разныхъ краевъ Россіи въ началѣ царствованія Екатерины II й, но также и степени развитія и вообще просвѣщенія всѣхъ слоевъ тогдашняго населенія ея. Въ первомъ изъ этихъ наказовъ въ числѣ уфимскихъ дворянъ, дававшихъ наставленіе своему депутату, вышеупомянутый Николай Николаевичъ Пекарскій подписался вторымъ послѣ предводителя; а во второмъ наказѣ заключаются свѣдѣнія о шляхтѣ, попавшей на житье въ уфимскій уѣздъ.

I.

Отъ выбраннаго уфимскимъ дворянствомъ предводителя коллежскаго ассесора Артемьева и всего общества дворянъ выбранному въ депутаты отставному г. секундъ—маіору Сергѣю Аничкову.

НАКАЗЪ (*)

Въ прошломъ 1766 году декабря 14 дня изданнымъ и въ народъ публикованнымъ отъ Ея Императорскаго Величества манифестомъ, по высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, повелѣно къ сочиненію проекта новаго уложенія изъ правительствующихъ сената и синода и изъ трехъ первыхъ и изо всѣхъ прочихъ какъ коллегій, такъ и канцелярій, коимъ отъ сената особо предписано будетъ, кромѣ губернскихъ и воеводскихъ, также и изо всѣхъ уѣздовъ и городовъ въ первостоличный городъ Москву прислать депутатовъ въ полъгода послѣ дня обнародованія въ каждомъ мѣстѣ того манифеста и выбравъ каждое мѣсто депутатовъ, давъ имъ отъ себя наставленіе и полномочія, какъ въ приложенныхъ при томъ манифестѣ обрядахъ выбора написано, и всѣмъ выбраннымъ въ сіе достоинство явиться по пріѣздѣ ихъ въ сенатъ. А отъ оренбургскаго губернатора и кавалера князь Авраама Артемьевича Путятина опредѣлено отъ здѣшняго дворянства, выбравъ къ сочиненію проекта новаго уложенья, отправить въ Москву депутата. И по содержанію того повелѣнія здѣшнее уфимское дворянство, полагаясь на ваше честное состояніе, происшедшимъ о семъ балотированіемъ въ сіе депутатское достоинство избрало васъ, чего для сочиня и подписавъ полномочіе, при семъ сообщается. По полученіи коихъ извольте ѣхать въ Москву и

(*) Какъ этотъ, такъ и слѣдующій за тѣмъ наказъ, напечатаны здѣсь съ точнымъ соблюденіемъ стариннаго слога и особенностей языка, и притомъ введено только нынѣшнее правописаніе.

явиться тамъ въ правительствующемъ сенатѣ сего года августа къ 1-му числу, а при семъ и сообщенныя отъ дворянства нужды, о которыхъ вы при сочинении проекта новаго уложенія предлагать и стараніе объ оныхъ имѣть будете обязаны слѣдующее:

1) Въ окружностяхъ помѣстныхъ земель имѣются почти у каждаго дворянина лѣса съ бортными угодьи, а у иныхъ и рыбныя ловли; а владѣютъ тѣми бортными угодьями и рыбными ловли и прочими угодьи башкирцы, которымъ оное прежде владѣть дозволено за платежъ ими въ казну ясака; а потомъ уже съ тѣхъ башкирцовъ означенный ясакъ снятъ, а тѣми бортными ухожьи и рыбными ловли и прочими угодьи, состоящими, какъ и выше значитъ, въ дворянскихъ окружностяхъ, владѣютъ они и понынѣ. А жительство свое отъ оныхъ угодій имѣютъ въ дальнемъ разстояніи, и сами тѣ башкирцы означенныхъ угодій не завѣдываютъ и изъ единой ихъ корысти отдаютъ всѣ тѣ угодьи крестьянамъ и прочимъ разночинцамъ изъ оброку; а тѣ разночинцы и крестьяне, взявъ отъ оныхъ башкирцевъ по записямъ на немалые сроки, почитая себя настоящими уже тѣмъ угодьямъ владѣльцами, потому жъ отдаютъ изъ таковой же корысти прочимъ таковымъ же постороннимъ владѣльцамъ, не проча себѣ, зная, что оные угодьи, по прошествіи по означеннымъ записямъ тѣхъ сроковъ отъ нихъ изъ владѣнія отойтить должны, и такъ всѣ означенныя угодья совсѣмъ опустошаютъ, и лѣсъ вырубаютъ, рыбу вылавливаютъ, и дворянство ко всему тому не допускаютъ. Изъ чего оное дворянство остается съ большимъ неудовольствіемъ. Другія жъ рыбныя ловли отдаются изъ казны на оброки постороннимъ людямъ, а нѣкоторыя изъ нихъ отданы прежде были дворянамъ въ дачи за четвертную пашню. И по онымъ всѣмъ обстоятельствамъ уфимское дворянство проситъ, чтобъ повелѣно было тѣ бортныя ухожья, также и рыбныя ловли и прочія угодья, отъ башкирцевъ отрѣша, а состоящія въ казнѣ розданныя изъ оброку прочимъ отдать по дачамъ дворянамъ.

2) Здѣшнее дворянство отъ бывшихъ предъ симъ башкирскихъ замѣшаній приведено въ крайнее раззорѣніе, отчего положеный на каждаго за домовыя бани рублевой оброкъ платятъ съ крайнею невозможностью; иные же, не имѣя у себя къ тому платежу денегъ, у многихъ приходятъ во одолженіе—проситъ не соизволено-ль будетъ отъ онаго платежа за бани рублеваго окладу дворянство уволить.

3) Нерѣдко бываетъ, что въ здѣшнемъ уфимскомъ уѣздѣ изъ татаръ сдѣлая воровство, и приведены бываютъ съ тѣмъ воровствомъ въ канцелярію, и зная тѣ воры, что за оное ихъ воровство безъ наказанья остаться не могутъ, и такъ избывая тѣхъ наказаніевъ, принимаютъ вѣру греческаго исповѣданія и просятъ на поселеніе въ близь состоящіе дворянъ—владѣльцевъ деревни Нагаеву, Натикееву и въ прочія подобныя тому новокрещенскія деревни жъ. И такъ по ихъ просьбамъ, по имѣвшемуся повелѣнію ихъ на поселеніе въ тѣ деревни и опредѣляютъ, въ которыхъ уже населено не малое число. А какъ они къ тому воровству сдѣлали уже привычку, то къ хлѣбопашеству и склонности ихъ мало, а единственно только упражняются потому жъ, какъ и прежде въ воровствахъ, отчего сосѣдственнымъ близь оныхъ владѣльческимъ, дворянскимъ деревнямъ происходитъ, да и самымъ дворянамъ не малая опасность и разореніе. И такъ по вышеписаннымъ обстоятельствамъ дворянство проситъ, не соизволено-ль будетъ тѣхъ только новокрещенъ, которые единственно, какъ выше значитъ, избывая отъ наказанія, крещены, окромѣ тѣхъ, кои по своему самовольному желанію приняли вѣру греческаго исповѣданія и въ тѣхъ деревняхъ поселены, также и впредь явившихся за таковыя жъ воровства, кои по ихъ желанію крещены будутъ, отсылать для поселенія въ прочія мѣста, куда соизволено будетъ.

4) За приключившимися здѣшнему дворянству отъ нерѣдко бывшихъ башкирскихъ бунтовъ бѣдностьми и разореніемъ оставшіяся отъ предковъ своихъ недвижимыя имѣніи по вотчиной коллегіи справками и отказами до себя доводить оное дворянство ни силы

ни состоянія своего и по нынѣ не имѣютъ, за чтобъ по основанію нынѣ состоявшейся о генеральномъ земель межеваніи инструкціи свобождены бъ были по оной положеннаго взысканія.

5) Въ прежнія времена какъ здѣшнему дворянству земляные помѣстные оклады чищены и раздаваны въ дачи земли съ угодьи, которыя отъ здѣшней уфимской провинціальной канцеляріи за ними справливаны и отказываны. Тожъ чинено было съ покупными и наслѣдными и по генеральнымъ о томъ указамъ справки и отказъ недвижимыхъ имѣній чинить велѣно по указамъ государственной вотчиной коллегіи. А понеже здѣшнее дворянство во время башкирскихъ бунтовъ многіе побиты и въ крайнее разореніе приведены, отчего не только нынѣ, но и впредь о недвижимыхъ имѣніяхъ до вотчиной коллегіи, по дальности разстоянія, а паче за крайнею бѣдностью просьбами доходить весьма не въ состояніи, и для того испрашивать оныя дѣла что единственно до уфимскаго дворянства касаться можетъ уфимской бы провинціи, какъ выше явствуетъ и впредь бывало, препоручить, чѣмъ толь разоренному дворянству чувствительное полегченіе будетъ, а въ доходахъ интереса не послѣдуетъ никакого ущерба.

А если при порученной вашей должности усмотрите посему какіе и дворянскимъ общественнымъ нуждамъ въ полезное, чего недостаточно, объ ономъ имѣете гдѣ надлежитъ представленіе чинить и о полезномъ стараться въ силѣ даннаго вамъ полномочія. Марта 20 дня 1767 году.

Предводитель коллежскій ассессоръ Сильвестръ Артемьевъ.

Секундъ—маіоръ Николай Пекарскій.

Капитанъ Михаилъ Аничковъ.

Секундъ—маіоръ Стефанъ Аничковъ.

Капитанъ князь Иванъ Ураковъ.

Капитанъ Николай Зубовъ.

Маіоръ Ѳедоръ Моисѣевъ.

Поручикъ Ѳедоръ Каловскій.

Прапорщикъ Максимъ Артемьевъ.

Каптенармусъ Ѳедоръ Гладышевъ.

Каптенармусъ Никита Черниковъ—Анучинъ.

Прапорщикъ Дмитрій Аничковъ.

Прапорщикъ Филиппъ Аничковъ.

Вахмистръ Никифоръ Артемьевъ и подпрапорщикъ Егоръ Черниковъ—Анучинъ, а вмѣсто ихъ, за неумѣніемъ грамоти, по ихъ просьбѣ подписалъ каптенармусъ Никита Черниковъ—Анучинъ.

Каптенармусъ Семенъ Карповъ; капралъ Иванъ Артемьевъ; капралъ Тимофѣй Непейцовъ; драгунъ Ѳедоръ Волковъ; подпрапорщикъ Аѳанасій Аничковъ, драгунъ Емельянъ Артемьевъ—а вмѣсто ихъ, за неумѣніемъ ихъ грамоти, по ихъ просьбѣ подписалъ каптенармусъ Никита Черниковъ—Анучинъ.

Подпоручикъ Иванъ Зотовъ и подпрапорщикъ Алексѣй Зыковъ, а вмѣсто ихъ, за неумѣніемъ ихъ грамоти, по ихъ просьбѣ подписалъ каптенармусъ Андрей Зыковъ.

Драгунъ Михайла Артемьевъ; драгунъ Михайла Аничковъ; драгунъ Михайла Непейцовъ; драгунъ Андрей Аничковъ; драгунъ Михайла Таганьевъ; драгунъ Тимофѣй Карповъ; подпрапорщикъ Петръ Лопатинъ; подпрапорщикъ Николай Щиголевъ; подпрапорщикъ Евдокимъ Волковъ—а вмѣсто ихъ, за неумѣніемъ грамоти, по ихъ просьбѣ подписалъ каптенармусъ Никита Черниковъ—Анучинъ.

Капитанъ Андрей Моисѣевъ.

Дворянинъ Василій Курковскій.

Капралъ Степанъ Чертковъ.

Прапорщикъ Андрей Гладышевъ.

Драгунъ Андрей Лопатинъ; вахмистръ Иванъ Лопатинъ; а вмѣсто ихъ, за неумѣніемъ грамоти, по просьбѣ ихъ подписалъ каптенармусъ Никита Черниковъ—Анучинъ.

Каптенармусъ Яковъ Кириловъ.

Подпрапорщикъ князь Егоръ Ураковъ.

Капитанъ Алексѣй Жилинъ.

Драгунъ Степанъ Лопатинъ; драгунъ Данила Савинъ, драгунъ Никифоръ Третьяковъ, а вмѣсто ихъ, за неумѣніемъ грамоти, подписалъ каптенармусъ Семенъ Карповъ.

Драгунъ Яковъ Третьяковъ; драгунъ Иванъ Третьяковъ; а вмѣсто ихъ, за неумѣніемъ грамоти, и за себя подписалъ драгунъ Тимофѣй Третьяковъ.

Каптенармусъ Иванъ Каловскій, а вмѣсто его по просьбѣ и за себя вахмистръ Иванъ Каловскій подписалъ.

Каптенармусъ Василій Курковскій; драгунъ Андрей Приклонскій; капралъ Николай Третьяковъ; капралъ Иванъ Непейцовъ; дворянинъ Андрей Лопатинъ—а вмѣсто ихъ, за неумѣніемъ грамоти, по ихъ просьбѣ подписалъ сержантъ Максимъ Каловскій.

Прапорщикъ князь Петръ Ураковъ.

Прапорщикъ Григорій Моисѣевъ.

Прапорщикъ Алексѣй Телятевъ; дворянинъ Михаила Зыковъ; драгунъ Левъ Третьяковъ—а вмѣсто ихъ, за неумѣніемъ грамоти, по просьбѣ оныхъ подписалъ сержантъ Максимъ Каловскій.

Отставной драгунъ князь Василій Ураковъ.

Каптенармусъ Петръ Гладышевъ, а вмѣсто его, за неумѣніемъ грамоти, по просьбѣ его и за себя подписалъ каптенармусъ Андрей Зыковъ.

Подпрапорщикъ Петръ Лихачевъ.

II.

1767 году, іюня 15-го дня, по силѣ манифеста, состоявшагося декабря 14 числа 1766 году, за собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ живущіе въ уфимскомъ уѣздѣ смоленскіе шляхтичи, нижеподписавшіеся чины дали сей отъ себя наказъ выбранному уфимской провинціи, уфимскаго уѣзду отъ смоленскаго шляхетства депутату г. секундъ—маіору Егору Кузмину сыну Тихановскому для донесенія во учрежденную къ сочиненію проектовъ новаго уложенія коммиссію о нижеслѣдующемъ:

Предки наши, будучи подъ владѣніемъ короля польскаго, состояли въ Смоленску, какъ по привиллегіи пожалованной отъ польскаго короля явствуетъ, подъ чернымъ знаменемъ панцерными боярами, которая привиллегія на польскомъ діалектѣ подлинная и съ переводу съ нея на русской діалектъ копіею при семъ вамъ прилагается, которую имѣть вамъ во всякомъ сохраненіи, и, какъ во оной гласитъ, тѣ наши предки награждены были землями и угодьи, а въ 7163 (1655) году тѣ предки наши при черномъ замени цѣлою ротою переведены въ пригородъ Мензелинскъ; и въ 7182 (1675) году вмѣсто жалованья (кое они съ переведенія получали) пожалованы землями: первой статьи—по пятидесяти четвертей; второй—по сороку; третьей—по тридцати; четвертой—по двадцати четвертей, а въ дву по тому жъ, коими и нынѣ мы владѣемъ, также и рыбными ловлями и всякими угодьи довольствоваться намъ велѣно. И спачала, по тогдашней здѣсь новости и пограничности употреблялись противъ набѣговъ и воюющихъ разныхъ степныхъ народовъ и многіе при сраженіяхъ со оными побиты и въ плѣнъ побраны. А сверхъ онаго, вообще съ казанскими и сибирскими дворянами въ два крымскіе и въ азовскій походы и въ Бѣлгородъ ходили; а въ 1700 году Петромъ Матвѣевичемъ Апраксинымъ наравнѣ жъ съ казанскими и сибирскими дворянами набраны въ сочиненные тогда вновь полки и ходили на Кубань; а по возвратѣ

оттоль въ Харковъ и по разбору наравнѣ съ дворянами опредѣлены въ преображенскій и семеновскій полки, а оставшіе здѣсь, какъ и выше значитъ, при содержаніи здѣшней границы и по нынѣ въ разныхъ полкахъ служили и нынѣ служатъ, что вамъ къ свѣдѣнію приписуется. И о наличныхъ фамиліяхъ нашихъ списокъ прилагается, дабы вы, въ случаѣ потребности, обо всемъ ономъ знать и обстоятельно изъяснить могли.

2) По нынѣшней межевой инструкціи главы девятой по пятнадцатому пункту, велѣно при будущемъ межеваніи со всѣхъ тѣхъ крѣпостей, которыя тогда не явлены и дачь не учинено, или кто не справя за собою послѣ отца, дѣда и другихъ родственниковъ владѣлъ и по немъ досталось его потомкомъ, то со всякаго такого владѣльца, за коимъ то имѣніе во владѣніи было и который не справя владѣлъ за неотказъ съ челобитья и вмѣсто печатныхъ пошлинъ брать по написанному въ той инструкціи число денегъ; да и за имѣющіяся бани положено въ казну сбирать въ годъ по одному рублю. А какъ выше въ первомъ пунктѣ гласитъ, предки наши всякую службу отправляли и въ дальнихъ и трудныхъ походахъ были, и многіе отъ непріятелей побиты и въ плѣнъ побраны, а и мы всѣ въ полкахъ служили и нынѣ дѣти служатъ, и такъ, кромѣ стараго да малаго, на лицо нѣтъ, и многія вдовы съ малолѣтными дѣтьми въ сущемъ сиротствѣ находятся,—того ради просить, не повелѣно-ль будетъ изъ матерней Ея Императорскаго Величества милосердія, за службы предковъ и отцевъ нашихъ, какъ за владѣніе землями, такъ и за бани отъ взысканія вышеписанныхъ денегъ насъ избавить, потому паче, что тѣ земли въ вѣчное владѣніе за предками и за нами не укрѣплены и о укрѣпленіи ихъ просить.

3) Въ дачахъ и отводахъ нашихъ бортныя ухожья и рыбныя ловли содержутъ изъ оброку Баилярской волости башкирцы по прежнимъ узаконеніямъ, какъ то и земля, отведенная намъ прежде, была башкирская, къ тому жъ и самая Мензела рѣка съ угодьи, на которой г. Мензелинскъ и мы жительство имѣемъ, да и земли наши къ той Мензелѣ рѣкѣ прилегли, рыбными ловлями владѣютъ изъ оброку здѣшніе, прежде именуемые бѣлопашенные казаки, а нынѣшніе солдаты и драгуны. А мы яко въ одномъ мѣстѣ жительствующіе никакого участія въ томъ не имѣемъ, и какъ означенные башкирцы, такъ и солдаты тѣ рыбныя ловли и бортевыя ухожья отдаютъ изъ оброку разнымъ людямъ, и объ ономъ просить, дабы имѣвшія въ отводахъ и въ дачахъ нашихъ рыбныя ловли и бортевыя ухожья отданы были намъ изъ положеннаго оброку впредь безъ перекупки, то жъ бы и со здѣшними солдатами, яко одного жительства, довольствоваться вообще

4) Сверхъ вышеписаннаго, если самими вами какія къ пользѣ общественныя и съ обрядомъ сходственныя нужды за необходимо признаны будутъ, и объ оныхъ докладывать и просить вамъ мы вѣримъ и дозволяемъ.

Предводитель, секундъ—маіоръ Спиридонъ Никифоровъ сынъ Пироговскій.
Капитанъ Семенъ Гавриловъ сынъ Предлоцкій.
Капитанъ Иванъ Егоровъ сынъ Тихановскій.
Прапорщикъ Андрей Яковлевъ сынъ Суворовъ.
Прапорщикъ Василій Яковлевъ сынъ Ляховичъ.
Прапорщикъ Иванъ Антиповъ сынъ Борозна.
Канцеляристъ Василій Сергѣевъ сынъ Суворовъ.
Вахмистръ Яковъ Петровъ сынъ Брудинскій.
Вахмистръ Иванъ Ѳедоровъ сынъ Пьянковичъ.
Каптенармусъ Михайла Петровъ сынъ Моисѣенокъ.
Подпрапорщикъ Иванъ Ивановъ сынъ Ляховичъ.
Каптенармусъ Иванъ Денисовъ сынъ Петровъ на мѣсто каптенармуса Василья Павлова сына Суворова и вахмистра Андрея Спиридонова сына Харьковича по ихъ прошенію подписался.

Ротной квартермистръ Иванъ Ивановъ сынъ Тихановскій.

Каптенармусъ Андрей Сергѣевъ сынъ Борозна вмѣсто каптенармусовъ: Ермолая Кирилова сына Суворова, Ивана Сидорова сына Тихановскаго по ихъ прошенію подписался.

Вмѣсто каптенармуса Өедора Савина сына Пироговскаго по его прошенію подписался каптенармусъ Михайла Моисѣеновъ.

Вмѣсто подпрапорщика Тимофѣя Өедорова сына Каташа по его прошенію и за себя подписалъ подпрапорщикъ Игнатій сынъ Пузикъ.

Вмѣсто подпрапорщика Петра Тиханова сына Дударя по его прошенію вахмистръ Иванъ Пьянковичъ подписался.

Вмѣсто подпрапорщика Ерофѣя Лукьянова сына Сипайлова по его прошенію капралъ Петръ Тихановскій подписался.

Вмѣсто капраловъ Саввы Павлова сына Брудинскаго, Кондратья Васильева сына Каташева, Ивана, Михайлы Аверьяновыхъ дѣтей Ляховичей, Степана Петрова сына Суворова, по ихъ прошенію, капралъ Иванъ Брудинскій подписался.

Капралъ Семенъ Косминъ сынъ Ляховичъ.

Капралъ Алексѣй Дмитріевъ сынъ Пироговскій.

Капралъ Петръ Мироновъ сынъ Тихановскій.

Вмѣсто капрала Григорья Александрова сына Медвѣцкаго и рядовыхъ Дементья Петрова сына Одинца, Михайлы Романова сына Бакупа, Назара Тихонова сына Пироговскаго, Михайлы Елисѣева сына Каташа, Якова Григорьева сына Ляховича по ихъ прошенію капралъ Петръ Тихановскій подписался.

Капралъ Иванъ Савинъ сынъ Брудинскій.

Вмѣсто рядовыхъ Василья Семенова сына Брудинскаго Володиміра Александрова сына Медвѣцкаго, Аѳонасья Карпова сына Тихановскаго, Петра Тиханова сына Валюженина, Степана Тиханова сына Дударя, Андрея Иванова сына Быкова, Александра Лукьянова сына Янкова, Ивана Харитонова сына Ляховича, Мирона Семенова сына Тихановскаго, по ихъ прошенію капралъ Петръ Тихановскій подписался.

Каптенармусъ Михайла Ивановъ сынъ Ляховичъ и вмѣсто рядовыхъ Степана Назарова сына Тихана, Михайлы Петрова сына Брудинскаго, Тимофѣя Артемьева сына Воронкова, Ивана Павлова сына Суворова, Ивана Андреева сына Голова, Василья Макарова сына Богданова, Кирилы Васильева сына Пироговскаго, Матвѣя Назарова сына Каташа, Леонтья Назарова сына Каташа, Сергѣя Аврамова сына Каменскаго Ивана Романова сына Бакупа, Якова Кирилова сына Борозны, Александра Сергѣева сына Жданова, Андрея Савельева сына Филиповича, Осипа Кирилова сына Филиповича, Ермолая Тиханова сына Валюженина, по ихъ прошенію подписался.

Подпрапорщикъ Андріанъ Өедоровъ сынъ Медвѣцкій.

Вмѣсто рядовыхъ Назара Антонова сына Пилецкаго, Аѳанасья Герасимова сына Витковскаго, Никиты Карпова сына Дударя, Романа Герасимова сына Микунова по ихъ прошенію подписалъ капралъ Петръ Тихановскій.

Вмѣсто рядовыхъ Андрея Лукьянова сына Сипайлова, Сергѣя Назарова сына Тихана, Степана Кирилова сына Дмитрія Лукьянова сына Еньковыхъ, Николая Иванова сына Медвѣцкаго, Григорья Семенова сына Брудинскаго, Осипа Антипова сына Борозны, Романа Тихонова сына Дударя, Астафья Данилова сына Тимохова, Гаврила Өедорова сына Микунова, Михайлы Иванова сына Харьковича, по ихъ прошенію подписалъ каптенармусъ Михайла Ляховичъ.

Вмѣсто рядовыхъ Михайлы Сидорова сына Петрова; Карпа Тиханова сына Дударя Якова Өедорова сына Тихановскаго; Ивана Макарова сына Богданова; Петра Тиханова сына Валюженина; Михайлы Кондратьева, Андрея Матвѣева дѣтей Каташевыхъ по ихъ прошенію подписалъ капралъ Петръ Тихановскій.

Подпоручикъ Ларіонъ Якимовъ сынъ Ляховичъ.

Вмѣсто рядоваго Егора Васильева сына Тихановскаго по его прошенію подпрапорщикъ Иванъ Ляховичъ подписался.

Сержантъ Игнатій Ѳенинъ сынъ Усавичъ.

Вмѣсто рядоваго Матвѣя Назарова сына Тихана, по его прошенію, подпрапорщикъ Иванъ Ляховичъ подписался,

Каптенармусъ Косма Ѳедоровъ сынъ Тихановскій.

Рядовой Иванъ Михайловъ сынъ Комлевъ вмѣсто рядовыхъ же Герасима Степанова сына Пузика, Ѳедора Емельянова сына Пьянковича по ихъ прошенію подписался.

Секундъ—маіоръ Іаковъ Іакимовъ сынъ Ляховичъ.

ПОПРАВКИ.

Напечатано:	Слѣдуетъ читать.
На страницѣ 5-й въ выноскѣ Russente. desteld - - - - - -	Russen te gesteld.
На стран. 6-й въ строкѣ 17-й «людей въ домѣ мало» - - - - -	людей въ домѣ было мало.
На стран. 8-й въ строкѣ 8-й «окончивавшіяся крупными словами» - -	оканчивавшіяся не одними крупными словами
На стран. 10-й въ строкѣ 6-й «дома Пекарсхихъ» - - - - -	дома Пекарскихъ.
На той же страницѣ въ строкѣ 21-й «водвергался» - - - - - -	подвергался.

Изъ Справочной Книжки Уфимскаго Статистическаго Комитета.

Гурвич Н.
Адрес-Календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1883 г.
Уфа

отдел V с. 299–327
статья акад. Петра Петровича Пекарского